

*Обмани,
но оставайся...*

РИТА НАВБЕР

Рита Навьер

Обмани, но останься...

<https://litres.ru/74464139>

Аннотация

Он любил ее еще со школы. Любил нежно и мучительно. Преданно и отчаянно. А она все время выбирала не его. Он стал ей просто другом, лишь бы быть рядом. А когда она осознала, что тоже любит его, он исчез из ее жизни... Одномник. ХЭ. Добро пожаловать в мою новую историю

Содержание

1	4
2	7
3	13
4	22
5	29
6	39
7	45
8	52
9	61
10	68
11	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

То, что он здесь, Марина поняла сразу. Ещё до того, как увидела его на пороге ритуального зала. Высокого, темноволосого, в строгом костюме. Просто почувствовала. Так чувствуют пристальный взгляд или близкую опасность. Но он на неё не смотрел, и опасности тут никакой быть не могло. Просто сердце ухнуло, как будто провалилось в бездонную яму, но тут же подпрыгнуло к самому горлу и заколотилось, как подорванное.

– Это что, Хоржан, что ли? Точно! Олег! – возбуждённо зашептала ей на ухо Леська. – Надо же! Приехал! Гляди, изменился-то как. В костюмчике! Мать моя женщина! Не узнать прям. Где он пропадал, интересно? Сколько его... года три не было, да?

Три года и одиннадцать месяцев, поправила в уме Марина, поглядывая на него лишь украдкой. Он же ее будто совсем не замечал.

Марина не ждала, что Олег появится. Никто не ждал. У него давно другая жизнь. Да он, думала она, и не в курсе, что Денис Субботин умер.

Оказывается, в курсе.

Когда они расстались, почти четыре года назад, Олег не только оставил её и съехал из их съемной квартиры, но и за-

брал документы из универса. Прекратил общение со всеми из компании, даже с Женькой Гордеевой. Просто обрубил концы, резко и бесповоротно, не оставив адреса. Поменял симку, не дав никому свой новый номер. Удалился из соцсетей. Просто исчез, растворился, пропал со всех радаров. Даже его мать не знала, где он.

Сначала Марина его ждала. Не верила, не могла поверить, что Олег бросил её, что ушел насовсем. Олег, который в любую минуту шел к ней по первому зову, бросив все свои дела. Который всегда был рядом. Который любил ее так сильно, так безоглядно и самоотверженно, что готов был ради нее практически на всё.

Марина считала, что нет ничего крепче и надежнее, чем его любовь. Скорее мир рухнет, чем он ее разлюбит. Кто бы сказал тогда, что он сам от неё откажется – да она бы в лицо тому рассмеялась.

Но он отказался. Молча. Без объяснений. Отправив лишь одно-единственное сообщение: *«Прощай, Марина. Я ухожу. Будь счастлива»*.

Первое время она звонила раз за разом как одержимая, выслушивая осточертевшее «Абонент недоступен». Писала ему на email – без ответа, конечно. Искала какие-то следы, зацепки, обзванивала всех, кто мог хоть что-то про него знать – и тоже тщетно. Одолевала его мать, которая только бестолково хлопала глазами и разводила руками на все ее вопросы.

В их компании тоже никто ничего не понимал. Спрашивали у нее: «Маринка, вы же с Хоржаном вместе жили. Куда он пропал? И с чего вдруг?».

Если бы она знала – куда! Если б только знала...

И все равно ждала, до последнего надеялась, что он вернется. Ну не бывает же так, говорила она себе, чтобы человек разлюбил в одно мгновение и ушел молча и навсегда. Оказывается, бывает.

Когда Олег пропустил свадьбу Женьки Гордеевой, с которой он дружил больше всех в их компании, Марина с отчаянием поняла: его уход – это не порыв. Не какая-то обида. Не попытка ей что-то показать и доказать. Нет, тут было всё серьезно.

Олег не объявился, не позвонил, не написал даже после той страшной аварии, в которой она чудом выжила, но провалялась на растяжке, вся переломанная, несколько месяцев. Только тогда Марина осознала: это всё. Конец. Нет больше у нее Олега. И не будет. Он действительно бросил ее. Разлюбил. Вычеркнул из своей жизни раз и навсегда.

Поминали Дениса в столовой, где работала его мать. Марина думала, что на поминки Олег не останется. Слишком уж он сюда не вписывался. Хотя, может, он и не собирался, но все так вцепились в него. Особенно Женька Гордеева. Не дала ему уйти. Да и других Олег и слушать бы не стал, наверное.

Там, еще у ритуального зала, его обступили со всех сторон. Дергали, расспрашивали, галдели, на миг забыв о том, какая трагедия всех здесь собрала.

– Хоржанчик, ты ли это? – верещала Леська Кудряшова.
– Тебя не узнать!

– Реально, бро, ты где пропадал столько лет? – перебил ее Осокин Юрка. – И с какого перепугу ты тогда уехал? Мы тебя потеряли!

– Ты когда вернулся-то? А откуда про Дэна узнал? Ты с кем-то из наших общался? Где вообще тебя носило? – потоком сыпались вопросы.

– Оу! – воскликнул Вадик Шмелев, указывая на черную иномарку, припаркованную рядом. – Это ты вон на той тачиле приехал? Охренеть! Сколько стоит?

Марина тоже невольно посмотрела на машину. Сразу видно – дорогая, хоть Олег и проигнорировал вопрос о цене. Она сверкала на солнце, почти слепила, и всем своим видом

кричала, что стоит целое состояние. Но Марину заинтересовало совсем другое – ей показалось, что там, в салоне, кто-то есть. На расстоянии и сквозь затемненные окна сложно было сказать определенно, но она почти не сомневалась. И это неприятно ее царапнуло...

– Ну, все-таки где ты был? – спросил Ваня Дубов.

Олег отвечать не спешил. И вообще держался отстраненно и безучастно. Марина помнила – он никогда не любил особого внимания к себе и тут же закрывался. А сейчас он сразу явился «закрытым». Даже не закрытым, а каким-то недостижимым. Словно окружил себя невидимой и непробиваемой стеной.

На искреннюю радость бывших одноклассников и друзей не откликнулся никак. Только одной Женьке Гордеевой сподобился улыбнуться. Остальные же для него были будто белый шум.

Марина тоже подошла к нему вместе со всеми. Правда, не дергала его, не звала, как другие, а лишь смотрела во все глаза. Жадно вглядывалась в его черты, пыталась поймать взгляд, увидеть в нем хоть что-то знакомое, родное. Хотя бы мимолетный проблеск.

Сердце колотилось так сильно, что перед глазами плыло. Но Олег ее словно вообще не замечал.

– Да вы что так на него накинудись? Оставьте уже человека в покое, – заявила Женька Гордеева и по-хозяйски взяла его под руку. – Захочет – сам расскажет.

Марине нравилась Женька, они были пусть не самыми близкими, но все же подругами. Но сейчас хотелось ее оттолкнуть. У той есть муж — пусть его хватает.

А Олег... он посмотрел на Гордееву и снова улыбнулся краешком губ. И тут же поднял глаза и взглянул на Марину. Даже нет, не взглянул, а лишь мазнул взглядом, походя, небрежно, равнодушно. Как смотрят на безликую толпу.

Одеревеневшими губами она произнесла:

— Привет, Олег, — голос на его имени предательски дрогнул. Марина покраснела, наверняка все услышали. И так их любопытство буквально лезло из всех щелей. Никто ничего не говорил, конечно, но она чувствовала, с каким интересом все за ними следят.

— Привет, — ответил он с тем же убийственным равнодушием.

Впрочем, точно так же, как и остальным. Но ее словно ошпарило кипятком. Хуже всего то, что все сразу же и как-то резко смолкли. Кто-то переглянулся между собой, очень выразительно. Кто-то просто отвел глаза, потому что неловкость прямо-таки повисла в воздухе. Все всё понимали.

У Марины возникло ощущение, будто она на площади совсем голая. И пусть над ней никто не смеется, а кто-то даже, возможно, жалеет, но чувство это было просто невыносимым.

Гордеевой тоже стало не по себе. Она попыталась сказать что-то левое, перевести тему, но вышло так натужно, что

только подчеркнуло эту неловкость.

— Я... пойду... там посмотрю, может, что нужно... — неуклюже пробормотала Марина, чтобы не расплакаться на месте, при всех, при нем. Веки уже противно щипало. Только куда тут уйдешь?

Но в эту минуту из зала вышла мама Дениса, тихонько подвывая. Какая-то родственница ее поддерживала, приобняв. Следом показалась и бывшая жена Дэна, Юля. Они развелись совсем недавно, и месяца не прошло.

Мать Дениса утверждала, что Юлька нашла себе другого. Мол, еще до развода вечно крутила хвостом и где-то шлялась. Сама Юля говорит, что Денис часто пил и ей это всё надоело. Марина больше верила ей. В конце концов Субботин и умер по пьяной лавочке. В эти выходные отдыхал на заливе с какими-то своими друзьями. Полез купаться нетрезвый и утонул.

Для всех это стало, конечно, шоком...

За длинным столом собрались многочисленные родственники Субботиных, соседи, друзья и их класс, почти в полном составе. После школы прошло уже пять лет, а они до сих пор тесно общаются. Только вот Олег выбился.

Он сидел напротив и наискосок. Рядом с Гордеевой, конечно же. На Марину больше не обращал никакого внимания, будто ее и нет. Ни разу не взглянул. И не пил. Да и к еде не притронулся. Просто сидел с серьезным видом. Изредка

перешептывался с Женькой. И время от времени смотрел на часы. Куда-то торопился?

Марина старалась не пялиться на него открыто, но все равно замечала каждое движение. И это было невыносимо — находиться вот так близко от него и не мочь сказать ни слова.

Фото Дениса в рамке и с траурной лентой на уголке стояло на отдельном столе. На снимке он улыбался широко и беспечно, и совершенно не верилось, что его больше нет...

Сначала все скорбели. Говорили только о нем и только хорошее. Сидели все подавленные. Вспоминали что-то давнее и светлое. А потом замолкали, погружаясь в эти воспоминания.

Затем незаметно настрой сменился. Разговоры стали оживленные и обо всем подряд: о болезнях, о личном, о ценах, о политике. Бывшая жена Дэна вовсю уже флиртовала с каким-то парнем. Шмелев с Осокиным спорили о чем-то своем. У кого-то прорывались смешки.

И только одна мать тихо горевала...

Олег что-то сказал на ухо Женьке и поднялся. Коротко попрощался со всеми и вышел.

Бездумно следуя порыву, Марина тоже встала. Плевать, что о ней подумают другие. Но она должна поговорить с Олегом наедине. По крайней мере, должна получить ответ, почему он ее бросил! Почему тогда ушел!

Догнала она его уже на улице. Выбежала из полумрака ка-

фе и на пару секунд зажмурилась, ослепнув от яркого света. Олег направлялся в сторону стоянки. И тут Марина увидела, что возле его машины Олега поджидает женщина. Вероятно, та самая, которую она видела в окне.

Высокая, стройная, элегантная. В маленьком черном платье и на высоченных шпильках, она стояла и курила. Изящно, даже грациозно. Столь же грациозно она затем села в машину, когда Олег открыл для нее дверцу.

Марина по инерции сделала пару быстрых шагов и резко остановилась, словно налетела на невидимую преграду, как птица, которая, на лету ударившись в стекло, ломает крылья и камнем падает вниз...

За пять лет до этого...

Зиму Марина ненавидела.

В морозы она насквозь промерзала в старом заношенном пуховике и таких же старых и безумно скользких сапогах. А этой зимой на одном сапоге еще и треснула поперек подошва. И теперь в щель набивался снег, и нога промокала.

На все жалобы и просьбы купить новые, мать разводила руками – денег нет.

Она работала гардеробщицей в ресторане «Мираж» и получала полторы тысячи за смену на руки. Это Марина точно знала, но также знала и то, что отчим выгребал у матери всё до копейки и спускал на водку. Впрочем, мать не слишком противилась. Во всяком случае с тех пор, как стала пить с ним за компанию.

Марина до сих пор не могла понять, зачем мать за него вышла. Зачем привела этого грубого, недовольного мужика в их тихую жизнь. Он ведь с самого начала прикладывался к бутылке, а пьяным становился просто ужасен. Орал, ругался матом, бил посуду и даже порой поколачивал мать. Но прежде он хотя бы работал на авиазаводе, поэтому всю неделю ходил злой, но трезвый, пил строго по субботам, а в воскресенье отлеживался. Тогда он еще что-то даже в дом по-

купал. Потом его уволили, и жизнь стала совсем несносной.

После первых рюмок отчим добрел, становился игривым, тискал мать, требовал ласки. А дальше: либо тупел, напиваясь до отключки – и это было везение. Либо сатанел так, что крушил всё, что под руку подворачивалось. И тогда хоть из дома беги.

«Я живу в аду», – жаловалась Марина подружкам.

А в последнее время стало еще хуже. Теперь отчим в подпитии заигрывал не с матерью, которая очень быстро опустилась, а с Мариной. Без стука вваливался в ее комнату и обижался, когда она его выталкивала. Норовил шлепнуть или ущипнуть, когда она проходила мимо. А уж какие похабные комплименты ей отвешивал – так бы и плюнула ему в физиономию.

Жаловалась матери, но та только охала и бестолково хлопала глазами. И ни разу не вступилась, даже просто не одернула его.

Летом проще. Можно было уйти из дома и хоть до самого утра гулять, лишь бы их не видеть. Но зимой не нагуляешься, особенно в дырявых сапогах.

Марина все равно убегала, когда совсем невмоготу становилось. Жаль, в их районе не было ни одного торгового центра, где вполне можно было скоротать время. А из обычного супермаркета охранники выгоняли. Поэтому она шла к кому-нибудь из одноклассниц в гости, ну или грелась по чужим подъездам.

Так она и познакомилась с Кириллом. Тем вечером подвыпивший отчим ввалился в ванную, сломав хлипкую щелкуну. Марина только-только успела завернуться в полотенце.

— Какая ты, Маринка, выросла красотка! Пацаны ваши, поди, слюни пускают, да? Хахаль-то у тебя есть?

Отчим потянул к ней мозолистую руку, но она увернулась и ударила по запястью расческой.

— Обалдел совсем? Пошел вон отсюда!

— Ты чего такая грубая? Я ж к тебе с добром, с лаской...

— Иди в жопу со своим добром! Будешь ко мне лезть — напишу на тебя заявление.

— Вот коза, а! Вырастили, выкормили сучку неблагодарную...

Марина оттолкнула отчима и скрылась в своей комнате. Но не прошло и пятнадцати минут, как он снова принялся одолевать ее. Стучал, скребся, потом пинал в дверь. Наученная опытом Марина приладила к двери крючок и всегда запиралась изнутри. Это защищало от его неожиданных визитов. Но когда отчим входил в раж, крючком его было не остановить. В конце концов он, разозлившись, выбил дверь. И сам же повалился на пол.

Марина успела прошмыгнуть мимо него в прихожую. Наспех накинула пуховик, натянула шапку на еще мокрые волосы, сунула ноги в сапоги и выскочила в подъезд, как раз в ту минуту, когда отчим, рыча и шатаясь, добрался до при-

хожей.

В первые минуты холода она не чувствовала. Просто бежала вперед, не глядя, лишь бы подальше от дома. Далеко не убежала, только до соседнего двора. И там растянулась на заледенелой дорожке, одной стороной угодив в сугроб. Колочий снег сразу же набился за воротник и в рукав. А волосы, оказывается, превратились в самые настоящие сосульки. От злости и обиды из глаз брызнули слезы.

Прихрамывая и вытряхивая снег, Марина подошла к первому попавшемуся подъезду. Хотела по привычке набрать на домофоне наобум чью-нибудь квартиру и детским голоском попросить впустить ее, мол, потеряла ключ. Всегда срабатывало. Ребенку никто не мог отказать. Но подъезд и так оказался открытым.

Марина поднялась на лифте на самый верх, а когда вышла – обнаружила на площадке компанию парней. Расположившись на ступенях, они пили пиво, курили и над чем-то громко и вызывающе хохотали.

Она собиралась тут же вернуться обратно в лифт, но один из парней проворно подскочил к ней и, поймав за руку, потянул к остальным.

– Куда? Посиди с нами. Нам как раз женского общества не хватает. Пивка будешь?

Парни казались ей мерзкими, просто отвратительными. Гопники какие-то. Ну а кто еще отирается по подъездам и хлещет пиво?

Тот, что поймал ее, тут же полез обниматься. Она яростно вырывалась, отталкивала его, но он только хохотал и приговаривал:

– Ух ты, какая резвая телочка.

Его дружки захохотали, глядя на ее трепыхания.

– Жора, отпусти девушку, – сказал один из парней, смазливый и хорошо одетый (даже странно, как он сюда затесался). Он не сидел как другие, а просто стоял, привалившись спиной к стене. И не смеялся.

– Кир, да ладно тебе... Мы с ней еще подружимся. Слышь, крошка, успокойся, я тебя не обижу...

– Убери от меня руки! – выкрикнула Марина, но тот и не подумал.

– Жора, кончай. Отпусти девчонку, я сказал! – парень говорил жестко, с наездом. А потом пружинисто отделился от стены, шагнул к ним и грубо дернул его за предплечье.

– Ты че, не понял? Руки от нее убрал.

– Кир, ты охренел? – возмутился Жора, но Марину выпустил. И вообще потерял к ней интерес. Вернулся к компании, взял пиво и припал к горлышку.

Марина метнулась к лифту, а парень последовал за ней. Стоял за ее спиной, сунув руки в карманы, и разглядывал. Она это чувствовала. Видел ее драные сапоги и штопаную-перештопаную куртку. Но было плевать.

Наконец лифт приехал. Марина юркнула в кабину, и парень вдруг зашел следом.

– Провожу тебя до дома, чтобы больше никто не пристал,
– с кривой улыбкой сообщил он.

Марина взглянула на него и неожиданно для себя самой расплакалась.

– Эй, ты чего? – обескураженно спросил он, шагнув к ней ближе и заглядывая в лицо. – Ты этого дебила так сильно испугалась? Да он бы тебе ничего не сделал. Поприкалываться просто хотел, придурок.

Но Марина только безудержно рыдала. Когда вышли из лифта, она, словно обессилев, навалилась на стену боком и продолжала всхлипывать, пряча в ладонях лицо. Парень не уходил. Терпеливо ждал, когда она успокоится.

– Ты не подумай, я не какая-нибудь истеричка, просто всё так навалилось... И этот ваш Жора... последняя капля... – всхлипывая все реже, произнесла наконец она.

– Я тебя понимаю, – хмыкнул он, – жизнь – то еще дерьмо. Кстати, Я – Кирилл.

– Марина, – шмыгнув носом, назвалась она.

– Ты вообще откуда? Где-то рядом живешь?

– Да, в соседнем дворе. В сто седьмом.

– А сюда каким ветром? В гости к кому-то?

Марина качнула головой. А потом как-то незаметно, слово за слово, выложила ему всё и про отчима, и про мать, и про свои вынужденные отлучки из дома. А выговорилась и вроде полегчало.

– Вот урод, – заключил Кирилл.

Потом он ее все-таки проводил до дома, до самой квартиры. Убедился, что отчим уже спит и не опасен. Забил ее номер в свой телефон и обещал позвонить.

Наутро Марина проснулась совершенно больная. Голова казалась просто чугунной, кости ломило, горло болело так, что сглотнуть было невозможно. В школу она все-равно пошла – всё лучше, чем дома. Да и чертов отчим уже проснулся и бродил по квартире.

В больницу Марину увезли на скорой. Прямо из школы, когда она вдруг свалилась в обморок, перепугав всех не на шутку. Первые дни она почти не помнила, лишь обрывки. И то они больше напоминали горячечный бред.

Окончательно в себя пришла только на четвертый день. Проснулась в палате. Еле разлепила тяжелые веки.

Рядом сидел одноклассник, Олег Хоржан. Тогда не было сил ни удивляться, ни даже поздороваться с ним.

Впрочем, ничего удивительного. Он был влюблен в нее, Марина это всегда знала. Нет, он никогда ей своей любовью не докучал, не таскался следом, не доставал дурацкими подкатами, как другие. Да вообще ни словом за все школьные годы не обмолвился о своих чувствах. Даже наоборот – держался всегда в стороне. Первым никогда не заговаривал. Да и на ее вопросы отвечал скупой. Если бы не его долгие взгляды, которые Марина ловила на себе, то, возможно, она бы и

не догадалась, а то и вовсе решила бы, что он ее терпеть не может.

Потом был день рождения Женьки Гордеевой, на котором Марина забавы ради вытянула Хоржана танцевать медлячок. Бедняга чуть сознание не потерял, когда она сама положила его непослушные руки себе на талию, а потом обняла за шею. Покраснел до самых ушей и, похоже, не смел дышать. И двигался как деревянный.

Затем Олег провожал ее до дома – тоже она, можно сказать, вынудила. Всю дорогу он молчал, слова не проронил. Просто шел безмолвной тенью рядом. И зачем она тогда так вцепилась в него? Он ведь ее совершенно не интересовал. Просто странный одноклассник, симпатичный, но замкнутый и слишком серьезный. В компьютерах гений, конечно, но компьютеры ее совсем не занимали. Всё это было скучно.

В общем, Марина и сама не могла сказать, какая шлея попала ей под хвост в тот вечер. Зачем она его дразнила и провоцировала? Зачем хотела непременно сорвать с него эту защитную маску? Но тогда ее охватил какой-то злой азарт. Всю дорогу она буквально вгоняла его в тупик нескромными вопросами.

А уже возле дома сказала ему:

– Ну, всё, я пришла. Пока.

– Пока, – отозвался Олег.

– Постой! А поцелуй на прощанье? – продолжала она забавляться.

Он остановился. Напротив нее. И как будто закаменел. Не мог двинуться ни назад, ни вперед. Только смотрел на нее горящими глазами.

Тогда Марина сама подалась к нему и быстро коснулась его губ своими. Он рвано выдохнул. И его даже качнуло слегка. Но больше всего ее поразило его лицо – какое оно стало в тот момент! Словно она и впрямь только что сдернула с него кожу наживую.

Она вдруг устыдилась своего нелепого поведения, даже, наверное, жестокого. Скомкано попрощалась, больше не глядя на него, и ушла к себе.

И с того вечера сама всячески избегала его. В школе – только дежурно здоровалась, и то старалась не смотреть в глаза.

И после всего Хоржан сидел теперь возле ее кровати...

В больнице Марину продержали три недели. Ее бы воля – она бы охотно осталась там еще дольше. До последнего не хотела выписываться.

Соседки по палате одолевали лечащего врача на каждом осмотре – просились домой. Рвались к своим семьям. И между собой стонали, как им тут надоело, какая в больнице скукота. А Марине, наоборот, нравилось.

Может, тут и нечем особо заняться, как в голос жаловались тетки, но зато тепло, спокойно, чисто, безопасно. Питание, опять же, три раза в день. Еще и передачи приносят. А в холле – телевизор. Их собственный телик отчим давным-давно унес и продал.

Да и вообще скучать ей не приходилось.

Каждый день после школы ее навещал Олег Хоржан. Он как раз и приносил пакетами бананы и мандарины, йогурты и соки, шоколад и печенье – Марина отъедалась вволю.

С Хоржаном они подружились. Из него, конечно, все равно слова приходилось буквально клещами вытягивать, но она привыкла и к его молчаливому присутствию. Было даже что-то приятное в том, с какой щемящей нежностью смотрел он на нее в то время, как она с аппетитом поедала его гостинцы.

Сначала, правда, Марина испытывала неловкость. Все же

он просто одноклассник, практически посторонний человек. Не родственник, не друг, а навещал ежедневно, даже когда в конце января ударили сильные морозы.

Приходил и молчал. То есть здоровался, спрашивал, как она сегодня, надо ли чего, минут пять сидел рядом в сильнейшем напряжении, даже не глядя на нее. Затем скомкано попрощался и уходил. Практически сбегал.

Однажды Марина его задержала. Хотя обещала себе не приваживать его, не сближаться, не давать напрасную надежду. Ей до сих пор было стыдно за то, как она забавлялась с ним на дне рождения Гордеевой.

Но в тот день так тоскливо было на душе, хоть волком вой. В голову лезли тяжелые мысли, что никому она не нужна. И тут пришел Олег. Как всегда – ровно в четыре.

Выгрузил на тумбочку сок и фрукты. Стул, на котором он обычно сидел, был уже занят. Олег немного потоптался и пошел к выходу.

– Постой! – поднялась с кровати Марина. – Пойдем в холле посидим.

Хоржан растерялся, но не сбежал, поплелся за ней следом. Сели они на диване рядом, но он держался так, будто кол проглотил.

– Как в школе? – спросила она, чтобы завязать разговор.

– Нормально, – он, вдруг осмелев, посмотрел ей прямо в глаза. Так пронзительно, будто в самую душу заглянул.

Правда, почти сразу отвел взгляд, уставился куда-то себе

под ноги. А на скулах выступил заметный румянец.

И все же, спустя пару секунд, спросил:

– У тебя что-то случилось? Плохое что-то?

Марина хотела было заверить, что все в порядке, но почему-то сказала совсем другое.

– Ничего такого, просто... я хочу понять, что со мной не так. Видел, у окна лежит девка? Ей двадцатник. Она нигде не учится, не работает, тупо у родителей на шее сидит. А они к ней каждый день бегают... Светочка, Светочка... Что тебе завтра принести? А она только фыркает. А как она по телефону с матерью – это атас! Ты бы слышал! А моя... она мне даже ни разу не позвонила, ни разу не пришла. И так всегда, понимаешь? Я себя ущербной какой-то чувствую... лишней, никому не нужной...

– Перестань. Не говори так. Это неправда! Какая же ты ущербная? Ты – самая лучшая, – горячо заверял ее Олег. – Ты – удивительная. Ты... тебе равных нет. Неправда, что ты никому не нужна. Ты нужна... – осекся он и покраснел еще гуще. – Ты многим нужна.

Марина думала, что на другой день Олег не придет. Но он пришел. Ко всему прочему еще и пожертвовал свой планшет и беспроводные наушники.

– Ой, – пробормотала она смущенно. – Это же такая дорогая вещь! Мне неудобно...

– Ерунда. У меня есть другой, а тебе хоть будет чем раз-

влечься. Скучно ведь, наверное?

– Ну нет, я не могу его взять. А вдруг его упрут, пока я на процедурах? – снизив голос до шепота, говорила она. – Здесь же днем проходной двор.

– Ну, упрут, так упрут, – пожал он плечами. – Значит, судьба такая. Ничего страшного. Можешь вообще мне его не возвращать. Считай, это подарок.

– Спасибо, Олег, – улыбнулась она, все еще смущаясь и неуверенно держа планшет. К таким вещам она не привыкла. У нее вон даже телефон был допотопный, кнопочный. А тут...

Сразу вспомнилось, как на летних каникулах она подрабатывала курьером. Моталась по городу и в дождь, и в жару – развозила заказы. Порой до поздней ночи. Уставала до смерти. Но зато заплатили без обмана, всё до рубля, сколько и обещали. Выдали правда в конверте, потому что устроили ее неофициально.

Марина уже придумала, на что потратит заработанное. Решила, что обязательно купит себе смартфон, ну и немного обновит гардероб. Но первым делом выбрала подарок для матери – шейный платок. Недорогой, но очень симпатичный.

Мать растрогалась, даже всплакнула. Сразу повязала этот платок на шею и отчиму похвасталась: «Гляди, какую красоту мне доча подарила».

Потом за Мариной зашли подруги, позвали гулять. Конверт она спрятала под матрас. Но когда вернулась домой, об-

наружила, что на месте его нет. Как она ни ругалась, как ни умоляла в слезах отдать хотя бы сколько-нибудь, как ни грозила полицией – что отчим, что мать, оба повторяли одно: «Ничего не брали, ничего не знаем».

Так они и не вернули деньги. Столько уже времени прошло, а вспоминать все равно было обидно и больно.

– Что-то не так? – сразу спросил Олег.

– Да нет, всё хорошо, спасибо тебе большое, – Марина порывисто обняла его и поцеловала в щеку.

С каждым днем Олег задерживался всё дольше. И хотя он еще не раскрепостился полностью, но хотя бы уже смотрел на нее, не таясь. А когда Марина благодарно улыбалась ему и называла по имени, он аж светился изнутри.

Она же к нему за эти дни привыкла. С ним было легко. Не нужно было казаться лучше, умнее, красивее. Он принимал ее такую, как есть. Растрепанную, ненакрашенную, в линялом халате. Даже не так – она ему нравилась такой, какая есть. Очень нравилась.

На выходных забегали подружки и одноклассницы. А перед самой выпиской и мать сподобилась ее навестить. Но, если честно, то лучше бы и не приходила. За те десять минут, что мать просидела с ней, небольшая палата густо пропахла перегаром. Было неловко и перед соседками, и перед медсестрой, которая вошла и сразу брезгливо сморщилась, учуяв запах.

– Не могла хотя бы сюда прийти трезвой? – сердито шипела Марина.

– Да я и так... вообще сегодня ни-ни... – оправдывалась мать. – Только утром чуть-чуть. Для здоровья. Мариш, ну ты чего? Когда тебя выпишут-то? Что говорят врачи?

– Не знаю, – буркнула Марина.

– А как чувствуешь себя?

– Нормально.

– Ну, хорошо, – удовлетворенно кивнула мать.

Хотелось крикнуть ей: «Что хорошего? Где ты была все это время? Где ты была, когда я лежала сутками под капельницей и сил не хватало даже до туалета дойти?». Но лишь сухо спросила:

– Почему раньше не приходила?

– Да ты знаешь, доча, я ж сама болела. Даже отгулы пришлось взять на работе. Боюсь теперь, как бы не уволили.

Марина едва сдержала раздражение – мол, знает она ее болезнь. Запой называется. Стиснув зубы, отвернулась. Вроде уже привыкла к ней такой, а все равно обидно до слез.

Мать достала из сумки яблоко, смахнула с него какие-то крошки и положила на тумбочку.

– Вот. Витаминчики. Хотя у тебя тут и так всего полно, смотрю... – мать обвела любопытным взглядом всё, что принес Олег. – Навещают тебя, да? Друзья, подружки? Ой, чуть не забыла. Какой-то парень приходил к нам на днях. Позавчера, кажется. Тебя спрашивал. Видный такой. Кавалер

твой?

– Какой еще кавалер? – поморщилась Марина, желая одного – чтобы мать скорее ушла.

– Ну, он же тебя спрашивал. Кириллом назвался.

– Ты ничего не путаешь? – спросила Марина.

– Нет-нет, точно. Он когда назвался, я сразу подумала про Галкиного сына, он же тоже Кирилл. Так что я все верно запомнила. Кирилл он. Тебя хотел видеть. А я ему сказала, что ты в больнице лежишь. Он так встревожился. Стал расспрашивать, что с тобой, в какой больнице...

– И ты всё выложила?

– Ну а что такого? Это же не секрет. Мариш, а кто он? – обнажив плохие зубы, заговорщически улыбнулась мать. В глазах так и заплесало любопытство. – Красавчик такой! Хотя и ты у меня красавица. Ну, не одноклассник же он твой. Он слишком взрослый. Я правда Толе сказала, что одноклассник. Чтобы не сердился.

– Отчиму-то какое дело, кто ко мне ходит? – сразу взвилась Марина. – Его вообще это не касается!

– Зачем ты так, Мариш? Он волнуется... – залопотала мать, но осеклась под гневным взглядом дочери. – Так что это за парень все-таки? Кто он?

– Никто, – раздраженно отрезала Марина.

Но когда мать ушла, еще долго думала о ее словах. Точнее, о Кирилле. Надо же, она совсем о нем забыла. А ведь он и правда был такой... ничего. Очень даже ничего. Видный такой и смелый. Вступился тогда за нее и до дома проводил.

А на следующий день Кирилл заявился к ней собственной персоной. Правда, пришел он, когда часы посещения закончились. Как он проскочил внизу, мимо охраны, неизвестно, но здесь, в отделении, его тормознула медсестра Люба.

– Молодой человек, вы куда? На время смотрели? Посещение до семи!

– Я к Марине Трофимовой! Девушка, ну не будьте вы такой суровой. Такой симпатичной девушке не идет быть злокой. А я только поздороваюсь и сразу уйду, – упрасивал он медсестру.

Дверь палаты была приоткрыта. Марина слышала голоса в коридоре, но среагировала только на свою фамилию. Сразу подскочила с кровати, наспех прибрала волосы, накинула кофту, выглянула – и точно он. Кирилл. Высокий, плечистый, стройный, с широкой белозубой улыбкой и по-модному растрепанными темными вихрами.

– Молодой человек, это больница! Здесь есть правила! Покиньте отделение сейчас же! – требовала медсестра Люба, впрочем, уже не так решительно, как сначала.

– Ну, девушка, ну, сжальтесь! – Кирилл прижал руку к груди в умоляющем жесте. – Всего пять минут! Ну, четыре... три... две...

Марина подошла к посту медсестры. Встала за спиной Кирилла, наблюдая его представление. Люба тоже уже еле сдерживала улыбку.

– Ладно, что с вами делать. Но только пять минут! Пока

разношу градусники.

– Спасительница! – взвел к ней руки Кирилл. – Спасибо! Спасибо! Спасибо!

– Ну, артист, – насмешливо фыркнув, Люба взяла со стола банку с градусниками и зашла в ближайшую палату.

Кирилл оглянулся. Марина готова была поклясться, что между ними проскочил разряд, как только они встретились взглядом. Уж она-то точно что-то такое почувствовала. По коже пробежала волной легкая дрожь. Сердце, внезапно дернувшись, учащенно заколотилось.

– Оу, ты... – только и сказал он, оглядывая ее с головы до ног.

Марина пожалела, что выглядит так простецки, если не сказать убого. Особенно рядом с ним, таким ярким, красивым, модным и каким-то сияющим, что ли. Она запахла кофту посильнее, пряча старый халат.

– А я к тебе, – жуя жвачку, сообщил он. – Привет.

– Привет. Это... неожиданно, но приятно, – смущаясь, пробормотала она.

– Главное, что приятно, – засмеялся он. – А я, прикинь, твой номер тогда забил и не сохранил почему-то... Потом хватился и нифига... Облом... А на днях с пацанами тусили рядом с твоим домом, и я такой думаю: чем черт не шутит, забегу, проведу...

Они медленно подошли к дверям, ведущим из отделения на лестницу. Там Марина остановилась, спиной привалив-

шись к стене. Кирилл пристроился рядом, встав боком, чтобы видеть ее лицо. Точнее не видеть, а разглядывать. Откровенно и беззастенчиво скользить взглядом по ее чертам, по губам, по нежной шее, а потом так же открыто смотреть в глаза.

Его близость волновала Марину. Даже слишком. Дыхание непроизвольно стало другим, частым, поверхностным. И внутри ощущался легкий мандраж.

От него пахло табаком, совсем слегка, а еще бабл-гамом и каким-то хорошим парфюмом. И этот запах ей вдруг понравился.

– Долго еще ты тут будешь? – спросил он. Его теплое дыхание коснулось щеки, и по шее сразу побежали мурашки.

– Не знаю, – ответила Марина слегка дрогнувшим голосом. – Вроде должны скоро выписать. Наверное, в следующий понедельник отправят домой.

– Тогда можно я к тебе еще как-нибудь на неделе забегу? – улыбнулся он и неожиданно провел костяшками пальцев по скуле. Совсем легонько, но это вызвало новый взрыв мурашек.

– Конечно, – кивнула Марина, опустив глаза.

Она сама себя не узнавала. Кирилл, в общем-то, не первый, кто подбивал к ней клинья. Мальчикам она всегда нравилась, но со всеми она держалась уверенно и спокойно. Кому-то могла забавы ради ответить легким, ничего не значащим флиртом, кого-то резко отбрасывала, кого-то просто иг-

норировала. Но чтобы самой вот так разволноваться, до дрожи в коленках... быть такого никогда не бывало.

– Тогда обязательно приду, – понизив голос до интимного шепота, пообещал Кирилл. – Слушай, напомни мне свой номер!

Он достал смартфон. Под диктовку набрал цифры.

– Во! Теперь точно его сохранил. Я тебе тогда звякну вечером. Ну или завтра там, как получится. Не против?

– Нет.

С полминуты он просто стоял рядом и с улыбкой смотрел на нее, вгоняя в краску, а потом вдруг выдал:

– Ты красивая.

– Да уж... – хмыкнула Марина. – Особенно сейчас.

– Да! Особенно сейчас. Накрашенной любая дура будет красивой, а вот так...

К ним незаметно подошла медсестра Люба.

– Всё, молодежь, свидание окончено. Прощаемся и расходимся.

Она встала рядом, скрестив руки на груди, и выжидающе уставилась на Кирилла.

– Я еще приду... и позвоню... – выпалил он и вдруг наклонился к ней и быстро поцеловал в губы. Вот так запросто.

Буквально миг длился этот неожиданный поцелуй, Марина только ахнуть успела, как Кирилл, бросив коротко: «Пока! Выздоровливай!», уже скрылся за дверью. Но сердце кубарем ухнуло куда-то вниз живота и потом еще долго не мог-

ло успокоиться. То замирало сладко, то билось нервно и дергано.

И позже она полночи прокручивала в уме их встречу, касаясь губ пальцами. Казалось, она до сих пор чувствовала легкое и приятное жжение.

Кирилл не позвонил ни на следующий день, ни через день, ни на выходных. И не приходил. А Марина ждала. Практически не отпускала из рук телефон. Только когда ходила на процедуры. И то, как только возвращалась в палату, первым делом хваталась за сотовый. Проверяла, не звонил ли он.

Сама себя убеждала, что глупо вот так его ждать и еще глупее расстраиваться. Они ведь, по сути, совсем чужие люди. Он ей ничего не должен, хоть и обещал звонить. Но ей ли не знать цену подобных обещаний?

И она тоже не должна так себя вести. Как малолетняя дуручка, ей-богу. Они виделись всего два раза! Ну, понравился он ей, может, даже очень понравился, но это же еще ровным счетом ничего не значит. Как понравился, так и разонравится...

Старалась не думать о нем больше, но, конечно, еще больше думала. Может, потому что и правда в больнице нечем заняться.

Жаль, что он взял ее номер, но не дал ей свой. Хотя... она бы все равно не стала первой ему звонить.

Все эти дни только Олег Хоржан исправно ее навещал. И сразу же заметил, что с ней что-то не так. Будто почувствовал.

Марина, разумеется, заверила, что все прекрасно. Ну не рассказывать же ему про Кирилла.

В понедельник на обходе врач сообщил, что завтра ее выписывает. И Марина совсем упала духом. Даже на обед не пошла – аппетит пропал. Стояла в холле, глядя на заснеженный больничный двор.

А потом вдруг позвонил Кирилл. Марина вздрогнула. Его звонка она уже и не ждала, но на всякий случай пообещала себе, что не будет ему отвечать. Ну ладно, ответит, но говорить будет холодно и равнодушно.

– Привет, Мариш, – дружелюбно поздоровался он. – Как ты там? Скучаешь? Тебя еще не выписали? Блин, я никак не мог раньше позвонить. В универе проблемы были. Препода один курсач мне завернул, старый хрен. Пришлось в темпе загнанных лошадей новый делать. Еще потом читать его, чтобы хоть мало-мальски знать, что там, если этот угод будет вопросы задавать... Короче, тот еще гемор. Но я о тебе каждый день думал и... каждую ночь. Соскучился...

– Курсач – это... – спросила Марина в полном смятении, просто не зная, что еще сказать после его слов и неожиданных признаний. Он думал о ней... соскучился...

– А-а, я ж забыл, что ты у меня еще маленькая. Школьник-

ца, – слышно было, что он улыбается в трубку. – Курсач – это курсовик. Курсовая работа. Типа что-то среднее между рефератом и дипломом.

Марина уловила «ты у меня» и зарделась. Про свою обиду и намерение быть равнодушной забыла напрочь.

– Мариш, ничего, если я к тебе сегодня забегу? Часикам к шести?

– Да, конечно. Приходи.

– Тогда до встречи.

Как обычно, в четыре пришел Олег.

Эти дни, после появления Кирилла, он держался иначе. Вновь в нем появилась напряженность. Впрочем, другого рода. Раньше он Марину сильно стеснялся, не мог даже в глаза ей смотреть. Сейчас смотрел. Пристально вглядывался, как будто пытался понять, что у нее на душе творится.

– У тебя все хорошо? – спросил он, протягивая, как обычно, пакет с фруктами и конфетами.

– Ну, как сказать, – невесело улыбнулась Марина. – Как бы хорошо, да. Я здорова. Завтра вот выписывают...

Олег молчал, ждал продолжения. А Марина замялась. Мало кто из подруг знал, как она живет на самом деле. Потому что правда была слишком постыдной. Кому-то другому она бы ни за что не сказала, но Хоржан за эти дни стал ей близок.

– Короче, я понимаю, что это тупо, но я не хочу выписываться, – засмеялась она, чтобы скрыть неловкость. – Про-

сто... блин, ты бы видел, что у меня творится дома. Мать с отчимом бухают, не просыхая. Отчим – это вообще отдельный рассказ...

– Чем я могу помочь? – серьезно спросил Олег.

– Да чем тут поможешь? – горько усмехнулась она. – Жду не дожусь, когда закончу школу, чтобы свалить от них навсегда...

И тут дверь открылась, а на пороге возник Кирилл. Такой же красивый, нет, еще красивее, чем в прошлый раз. Быстро obeжав взглядом палату, он увидел Марину и широко улыбнулся.

– Привет! – уверенно шагнул к ней, наклонился и поцеловал в щеку. Спасибо, хоть не в губы. От него пахло розной свежестью.

– Привет, – ответила Марина, растерявшись в первый миг. Еще и пяти на часах не было, а Кирилл обещал прийти в шесть.

Она бросила быстрый неловкий взгляд на Хоржана, который буквально закаменел весь.

– У тебя гости? – приподнял одну бровь Кирилл, заметив Олега.

– Это... это мой одноклассник, – пробормотала Марина и закусила нижнюю губу. Нехорошо как-то получилось. Неудобно.

Она снова виновато посмотрела на Хоржана.

– Олег, ну пока тогда, да? – произнесла она.

До него как будто не сразу дошли ее слова. Он точно оцепенел. Лишь спустя несколько секунд сморгнул и, кивнув, поднялся. Не глядя ни на нее, ни на Кирилла, глухо бросил:

– Пока, – и вышел из палаты.

Олег вышел, но чувство неловкости никуда не делось.

– Он, по ходу, тормоз, этот одноклассник твой? – смеясь, спросил Кирилл.

– Не говори так... он очень хороший, – нахмурилась Марина.

– Оу, даже так? Мне пора ревновать? Имей в виду, в ревности я ужасен, – заявил он, но в глазах плескался только задор. – Не веришь? Ну, берегись!

Кирилл плюхнулся рядом с ней прямо на кровать. По-хозяйски сгрёб ее в объятия и наклонился к самому лицу, обнажив белые зубы с чуть выдающимися клыками. В шутку рыкнув, сделал вид, что сейчас укусит ее за шею, но просто поцеловал. В другой раз Марина, может, и поддержал эту игру, но сейчас на душе было скверно.

Она выпуталась из объятий Кирилла и отсела к другому краю кровати.

– Ну ты чего такая смурная? Тебя, кстати, когда выписывают? – спросил он и полулёг, запрокинув руки за голову.

– Завтра.

– О, здорово! Гулять пойдем. А то, если честно, мотаться сюда мучительно. Кстати, матушка у тебя атас. Она всегда такая или только по праздникам?

Марина, густо покраснев, не нашлась, что ответить. Но

Кирилл тотчас забыл про свой вопрос. Разглядывая палату, он бросил случайный взгляд на тумбочку, буквально заваленную пакетами с фруктами и сладостями.

– Фигасе, у тебя тут залежи вкусняшек, – приподнялся он с кровати, вытянув шею, затем и вовсе встал и подошел к тумбочке. – Хоть продавай. Так бы и я в больничке полежал.

– Угощайся, – предложила Марина.

– Это все твой одноклассник носит? – с усмешкой спросил Кирилл, выбирая, что взять. Выудил шоколадный маффин в упаковке. – Запал на тебя, да?

– Он просто хороший друг, – мрачней, ответила Марина.

– Ну да, ну да, знаем мы этих друзей, – хмыкнул Кирилл, – запал он на тебя, Мариш, точно говорю. Пялится на тебя и слюни пускает, а по ночам...

– Прекрати! – прикрикнула Марина так, что соседки по палате сразу на нее уставились.

Но Кирилл на резкий окрик не обиделся. Откусил маффин и примирительно сказал с полным ртом:

– Ладно, пусть будет друг. Значит, завтра на волю? Поди, друг тебя встречать будет?

Она пожала плечами. На самом деле, после сегодняшней сцены Марина вообще сомневалась, что Хоржан продолжит с ней общаться.

– А, может, ты встретишь? – с вызовом спросила она.

– Ой, я б с радостью. Но вот именно завтра – никак. Прости, Мариш. У меня же сейчас сессия, а завтра как раз зачет

по информатике. Это, сто пудов, надолго. Но если вдруг что, я тебе звякну.

– Ладно, пора мне отчаливать. Еще к зачету готовиться... Давай, пока, будем на созвоне...

Кирилл наклонился и поцеловал ее, но как-то поспешно и вскользь. Впрочем, Марина сама увернулась, не хотела ничего такого при соседках. Они и так на нее косились неодобрительно. Буквально всем своим видом кричали: вот же вертихвостка! А, может, что и похлеще.

Уходя, Кирилл снова запустил руку в пакет с маффинами и взял еще один. Правда, потом спросил:

– Можно? Ну, давай, – весело подмигнул и вышел.

И вроде Марина так ждала его, так хотела, чтобы он пришел, а осадок остался неприятный.

Это из-за Олега, наверное. Получилось, будто она его выставила вон.

Марина хотела написать ему, извиниться, объяснить, но так и не решилась. Не нашла нужных слов. Олег ведь никогда не говорил про свои чувства, даже не заикался. Нелепо будет, если она первая о них напишет.

Во время утреннего обхода врач подтвердил: сегодня домой. Вот только с выпиской затянули. Должны были к обеду отдать, но отдали только после трех. На место Марины уже положили новую больную, и ждать пришлось в холле.

Вещей за три недели поднакопилось неожиданно много. Четыре полных пакета. Но никому Марина звонить не стала. Матери – бесполезно. Олегу – стыдно. Наташка, лучшая подруга, еще вчера написала, что сразу после уроков занимается с репетитором.

Кое-как Марина спустилась по ступеням. Идти было не столько тяжело, сколько неудобно, но потихоньку она приновилась. Правда, как она с этим добром втиснется в маршрутку... Еще и в этих чертовых скользких сапогах.

И тут она увидела Хоржана. Он почему-то не подходил. Стоял у перил на крыльце, причем сбоку, не у дверей. Если бы Марина не оглянулась, она бы его и не увидела.

Она остановилась. Поставила дурацкие пакеты у ног. И только тогда Олег подошел. Марина хотела спросить его, почему он не поднялся, но осеклась. Что-то переменилось в нем, в лице будто появилась надломленность. Однако поздоровался он вполне привычно:

– Привет. Ты одна?

– Да, – смутившись, ответила она.

Он молча, без вопросов, поднял ее пакеты и направился к больничным воротам. Марина семенила рядом, стараясь не поскользнуться на обледенелой дорожке.

В автобусе их тесно прижало друг к другу. Олег изо всех сил старался не смотреть на нее, сжав плотно губы отводил глаза то вверх, то вбок, но пунцовые скулы выдавали его с потрохами. Марине казалось, он почти не дышал.

Уже в подъезде у своей квартиры Марина наконец решилась сказать:

– Олег, прости, пожалуйста, за вчерашнее. Я просто потерялась...

– Да ничего... – выдавил он, все так же избегая прямого взгляда. – Ничего страшного.

– Я чувствую себя виноватой. Ты так много сделал для меня. Ходил каждый день, а я... Получилось так, что Кирилл пришел, и ты как будто сразу не нужен. Но это не так! Мне просто было неудобно, хотя я все равно не должна была так с тобой... извини меня.

– Это твой парень? – глухо спросил Олег и наконец посмотрел в глаза. Да так посмотрел, что Марина не выдержала и в смятении отвернулась.

– Не знаю. Мы с ним совсем недавно познакомились. Еще ничего не ясно... – пробормотала она.

Олег, выслушав, кивнул каким-то своим мыслям. Затем отдал ей пакеты и даже смог вымучить улыбку.

– С выздоровлением.

Марина так и стояла на площадке. Смотрела, как тяжело он спускается по лестнице.

– Олег! – не выдержав, окликнула его. – Прости меня.

На этот раз она просила прощения не за то, что обидела, а за то, что не любит, правда вслух этого сказать не смогла.

Олег обернулся.

– Марина, тебе не за что извиняться.

И по его взгляду Марина увидела – он и так всё понял...

В первый день после выписки Марина шла в школу и нервничала как никогда. Сама толком не могла сказать, откуда взялась эта нервозность. Нет, понятно, что она переживала, как они теперь будут с Хоржаном общаться после всего. Как вообще встретятся, как посмотрят друг другу в глаза. Но уж как-то слишком ей было не по себе, прямо душа не на месте.

В сумке Марина несла планшет и наушники. Пусть Олег и говорил, что возвращать не нужно, но принять такой подарок она никак не могла. Да и дома оставлять такую вещь опасно – отчим или мать найдут и пиши пропало.

На первый урок Марина опоздала. Всего на пару минут, но биологичка на ее «здрасьте-извините» выдала целую отповедь. Зато класс, когда она вошла, сразу ожил, всколыхнулся. Игнорируя замечания учителя, наперебой выкрикивали с мест:

– О! Какие люди! У-и-и! Маринка вернулась в строй!

Шмелев даже громко похлопал в ладоши.

Но Марина почти не улавливала слова учителя и приветствия одноклассников. Едва она переступила порог, как сразу же напоролась на взгляд Хоржана. Такой острый и пронзительный, что сердце екнуло. А все голоса слились в невнятную кашу, далекий, еле слышный гул. Правда всего

на несколько секунд.

Резкий окрик биологички быстро привел ее в чувство.

– Трофимова, долго стоять будешь? Или забыла, где сидишь?

Марина быстро прошла к своей парте и весь урок сидела со стойким ощущением чужого тяжелого взгляда на себе. Ну, не чужого, конечно. Олег прожигал ее спину, кто ж еще. Правда, раньше она этого почти не замечала. То есть замечала, но походя, не задумываясь. И главное, это нисколько ее не напрягало, никогда. Пусть смотрит, жалко, что ли – такие примерно были мысли. Сейчас же внутренний дискомфорт достиг пика. Марина как на углях сидела и никак не могла сосредоточиться на уроке, на объяснениях биологички, на вопросах Наташки, которая то и дело тыкала ее локтем.

– И что, у вас все серьезно? – спрашивала Наташка в который раз, не теряя терпения.

Это она про Кирилла. Дернул же черт разболтать про него в последние выходные, когда девчонки приходили навестить ее в больницу.

Марина наобум кивнула.

– Вау, классно. И он реально прям красавчик-красавчик?

Наташкин шепот донесся до биологички, а досталось Марине.

– Трофимова! – прикрикнула она раздраженно. – Тебя не было три недели! Половину четверти! Ты столько пропустила и вместо того, чтобы нагонять, сидишь тут болтаешь. Еще

слова и обе пойдете к директору!

Наташка наконец заткнулась. Но лишь до конца урока. На перемене вышло еще хуже. Она принялась выведывать подробности. Вслух. Так, что ее слышали и другие девчонки и тоже подключились.

Хоржан тоже слышал. И от этого было совсем тягостно.

Он к ней не подходил ни на этой перемене, ни на следующих. Не разговаривал, ни о чем не спрашивал. Держался в стороне. Только вот смотрел и всё. Как будто и не было этих трех недель близкого общения. Как будто все вернулось назад. Так, как было до больницы.

В конце дня Марина сама подошла к Хоржану, превозмогая собственную неловкость.

– Привет, – произнесла как можно дружелюбнее, хотя на душе все еще было мутно.

– Привет, – отозвался Олег не зло, не обиженно. Но и без того тепла, с каким он говорил с ней еще недавно. Голос его звучал теперь почти механически. Да и не смотрел он на нее сейчас, когда она стояла рядом.

– А я вот... принесла твои вещи, – Марина достала из сумки планшет и наушники. Протянула ему, но он не взял. Тогда она положила на парту и тут заметила, как лицо его еле заметно дрогнуло и на миг слегка исказилось, как бывает, когда вдруг делается больно.

Марина растерялась. Сейчас-то что не так?

– Спасибо за них. Ну и не только за них. За всё спасибо

тебе большое. Я правда очень-очень тебе благодарна.

Она выдавила улыбку, но Олег на это лишь кивнул теперь уже с непроницаемым выражением.

И во все последующие дни их общение свелось к дежурным «привет-пока». И хорошо же, убеждала себя Марина. Олег понял, что она его не любит, и сам отстранился, избавил ее от неудобного объяснения. Но только на душе все равно осело тягостное чувство...

Двадцать третьего февраля Марина ждала с тревогой, как и любой праздник. В такие дни отчим не просто напивался на пару с матерью, но и приводил домой всякий сброд. И тогда их и без того убитая квартира превращалась в настоящую клоаку.

Марина еще не забыла новогодний трехдневный кошмар с пьянками и драками, и прекратившийся лишь потому, что соседи снизу вызвали наряд и отчима забрали – жаль, всего на сутки. А тут уже и день защитника Отечества. Его отчим всегда отмечал с особым размахом.

В этот раз мать с утра ушла из дома. Вызвали ее в ресторан, хотя ее смена была вчера.

Марина слышала, как мать звонила туда, плела про какие-то семейные обстоятельства, просила подмениться. Но у них там по случаю праздника аншлаг, и ей велели быть обязательно или уволят. Мать повздыхала, посокрушалась и по-

шла на работу. И хотя защиты от нее никакой, но с ней все же было как-то спокойнее.

Отчим сначала гремел на кухне посудой, как будто что-то искал. Потом громко матерился, как будто не нашел. А около полудня тоже куда-то умотал. Наверняка праздновать к какому-нибудь местному алкашу.

Марина сразу приободрилась. Это же такое редкое везение – остаться дома совсем одной.

Первым делом она сунулась в холодильник. И опять повезло – кроме какой-то заплесневелой субстанции на тарелке и банки с горчицей на полке нашлись еще и вчерашние спагетти с котлетой в крафтовой коробке. Это мать после каждой смены приносила из ресторана, как говорит отчим, буржуйские обеды. Мать хлопала глазами и лебезила перед ним: «Ну а че такого? Это просто осталось, но это никто не ел. Целое же, видишь. Ну чего ты? Закусывать же надо».

Марина достала коробку, но ни тарелки чистой, ни вилки не нашла. Зато в раковине возвышалась целая гора грязной посуды, от которой еще и несло, как от помойки. Брезгливо морщась, она выудила из этого завала тарелку и вилку, тщательно помыла. А чуть позже, уже поев, решила перемыть всю гору, пока никого нет. А после посуды взялась и за пол, загаженный донельзя. Пустые бутылки и банки с окурками выбросила в два мусорных пакета. Затем на три раза вымыла пол в тесной кухне. И вроде уже не так ужасно. Хотя надолго ли.

Марина наклонилась над ведром, отжимая тряпку. Рядом шумела вода из-под крана и била мощной струей о стальную мойку. И, наверное, поэтому она не услышала, как вернулся отчим, как подошел сзади. Лишь почувствовала его руку на пояснице. И тут же взвилась, отскочила и сразмаху хлестнула его мокрой половой тряпкой.

В первый миг он остолбенел. Затем отер лицо ладонью. За его спиной топтался какой-то забулдыга, тоже притихший.

Пока отчим не пришел в себя от изумления, Марина проскочила мимо них и убежала к себе. И вовремя, потому что спустя пару секунд за спиной услышала:

– Ах ты, сучка! Ты гляди, Санёк, что творит эта дрянь. Тряпкой по роже! Ну я ей покажу... Слышь, я тебе устрою...

Она закрылась на крючок, который снова прикрутила саморезами. Однако не прошло и минуты, как отчим стал ломиться в дверь. Не со всей мощи, конечно. Да и откуда у него мощь, когда он еле на ногах держался, но все равно было страшно до жути.

– Пошел вон, скотина! Я кричать буду! Я в полицию тебя сдам!

Надо было сразу уйти из дома, как только мать отправилась на работу, ругалась на себя Марина, впопыхах натягивая свитер, а заодно выбирая что-нибудь поувесистее, если отчим ворвется.

– Толян, да брось! – сквозь маты отчима доносился голос забулдыги. – Идем. Водка стынет.

– Я сначала проучу эту мерзавку неблагодарную...

Крючок уже разболтался так, что вот-вот вылетит. И тогда Марина распахнула окно и что есть силы закричала:

– Убивают! Помогите!

Третий этаж. Внизу двор. Люди, проходящие мимо, поднимали на нее головы... на секунду и шли себе дальше. На детской площадке сидела компания парней. И тут Марина узнала среди них Кирилла. Именно он подскочил первым на ее крик. Остальные просто пялились и не двигались с места. А Кирилл и спрашивать ничего у нее не стал. Сразу опрометью кинулся к подъезду, а уже следом за ним и его дружки.

Вот они один за другим скрылись из вида – это очень хорошо, значит, подъездная дверь оказалась открытой. Значит, сейчас будут здесь. И в этот самый момент отчим все-таки выломал крючок, и дверь с треском распахнулась.

– Ты че это? – приостановился отчим, глядя на распахнутое окно. – Прыгать, что ли, собралась, психичка?

– И прыгну! Если еще хоть шаг сделаешь, – Марина для убедительности уселась на подоконник. В спину сразу потянуло холодом. Черт, как бы заново не схватить пневмонию.

Отчим явно колебался. Не совсем, значит, еще отупел. Или просто растерялся от неожиданности.

И тут вдруг за его спиной раздался грохот. Это ворвался в квартиру Кирилл с друзьями и приложил собутыльника отчима, который оказался у них на пути. Тот с шумом завалялся.

Марина, еле сдержав радостный возглас, спрыгнула с подоконника. Отчим успел лишь обернуться, как Кирилл с порога ударил его в грудь ногой. Качнувшись, он рухнул на бок и даже не пробовал встать. Да и не вышло бы. Кирилл продолжал пинать его и приговаривал:

– Понял, сука, как лезть к моей девушке? Еще раз хотя бы посмотришь в ее сторону или вякнешь хоть слово, мы с пацанами тебя вывезем в рощу и прикопаем, ясно?

Парни тоже его попинывали, но со смешками, играючи, не так остервенело, как Кирилл. Марине даже пришлось повиснуть на нем, чтобы прекратил.

– Всё, пожалуйста, хватит... ты его так убьешь...

Кирилл, несмотря на ярость, сразу же успокоился.

– Ладно, пацаны, уходим. Мариш, ты с нами? Отметим?

Наш праздник как-никак.

На «отметим» у нее тотчас сработал рефлекс – на миг замутило. Но сейчас Марина готова была бы уйти хоть с кем, хоть куда. А уж тем более – с Кириллом.

Вообще-то, говоря по правде, она пообещала себе, что больше с ним встречаться не будет. Нет, он все еще ей нравился. И было больно, она даже плакала. Эйфория первых дней как-то слишком быстро закончилась, и эти три недели после выписки были сплошной нервотрепкой.

Потому что ну разве это отношения? Обещал и не приходил. Хорошо еще, если предупреждал. Но, бывало, просто пропадал, и ни звонка, ни сообщения. А она ждала, психовала, расстраивалась и опять плакала.

А появлялся Кирилл тогда, когда она его уже переставала ждать, злая и опустошенная. Но он будто ничего этого не видел или не понимал. Буквально сваливался вдруг на голову, беспечный, веселый, сияющий и такой красивый... Человек-праздник. Не замечал ее обиды, сгребал в объятия и так сладко, так настойчиво целовал, что все упреки оставались невысказанными.

А четырнадцатого февраля Марина обиделась на него смертельно. Думала, что вообще навсегда. На это был повод, и еще какой.

Накануне она встретила Кирилла рядом с домом, когда

возвращалась из школы вместе с Наташкой.

– Привет! – радостно подскочил к ним. Бегло оглядел Наташку, подмигнул ей. Подруга смущенно разулыбалась, а Марина ответила сухо:

– Ну, привет.

– Мариш, прости, вчера никак не мог прийти... Дела, блин, всякие навалились, то да сё, еле разгрёбся... Слушай, а ты во сколько завтра дома будешь? Где-то в два? Значит, жди меня в три. Ну, край – в четыре.

– А что такое? – все еще сердилась она.

Наташка тактично отошла в сторону, поглядывая на них украдкой.

– Как что? Завтра ж праздник. День Святого Валентина.

– И ты точно придешь? – спросила Марина. – А то позавчера тоже грозился, а сам...

– Да я ж тебе говорю, там такая запарка вышла, никак не мог... Ну, не злись, малыш. Но завтра приду сто пудов!

Марина хотела спросить, позвонить тоже не мог? Но почему-то не стала, только покачала головой в сомнении.

Кирилл схватил ее за плечи, наклонился, чтобы заглянуть в лицо.

– Детка, ну, брось! Камон! Завтра же день всех влюбленных. Наш день! Как я могу не прийти, подумай сама!

Глаза его задорно блестели. И очень хотелось ему верить. Помявшись, Марина оглянулась на Наташку и все-таки спросила тихо то, что ее волновало:

– Кирилл, а мы... мы с тобой так просто время проводим иногда или встречаемся по-настоящему?

Он взметнул брови:

– Что за вопрос? Конечно, встречаемся! Стал бы я к тебе, что ли, ходить?

– То есть ты – мой парень, а я – твоя девушка официально? Так?

– Естественно, малыш! Официальнее некуда. В общем, жди меня завтра. Побегал я. Готовить тебе сюрприз.

Когда он отошел подальше, Наташку буквально прорвало:

– Офигеть, он классный! И впрямь красавчик! Везет же тебе, Маринка!

– Да уж, – вздохнула она.

– Да ты что! Такого шикарного парня отхватила и недовольна? За ним, поди, девки табуном бегают, а он вокруг тебя вьется. Вот правда, мне б такого... У него случайно нет такого же симпатичного друга?

Марина припомнила компанию Кирилла, особенно быдловатого Жору, и, скривившись, помотала головой.

– Не видела такого.

– Слушай! – внезапно остановилась Наташка. – Так ты завтра с ним будешь? Мы же договаривались погулять...

– Ну, прости, пожалуйста...

– Ладно, – милостиво махнула рукой подруга. – Я тебя понимаю. Я бы тоже такого красавчика не упустила.

А на следующий день Кирилл не пришел ни в три, ни в

четыре. Лишь около десяти вечера отправил сообщение:

«Прости, малыш. Опять дела неожиданные возникли. Не смогу вырваться. Сам ужасно расстроился. С праздником! Не скучай!» Ну и присовокупил смайл в виде сердечка.

Марина и сама не могла сказать, что ею в тот момент двигало, раньше она ничего подобного не делала, хотя знала, где живет Кирилл. Он снимал однушку на втором этаже в пятиэтажке неподалеку. Но тут она быстро собралась и пошла к его дому.

Беспечный во всем он даже не потрудился задернуть шторы. Или у него их и не было? В светящихся окнах его комната и кухня с улицы были как на ладони. Особенно если подняться на детскую площадку на пригорке перед домом, что Марина и сделала, наблюдая за веселящимся Кириллом, толпой его дружков и... подруг. Да, там были другие девушки. И одна из них висла у него на шее. Хорош сюрприз!

В слезах Марина убежала домой, бормоча: сволочь, подлец, урод...

Еще и от Наташки прилетела смска как соль на рану:

«Ну что, как отметили день всех влюбленных с красавчиком? Или все еще отмечаете?».

Кирилл явился через день. Будь одна дома, Марина ему и не открыла бы. Но его впустила мать, еще и отчим выперся в прихожую. Пришлось выйти в подъезд, хотя даже посмотреть на Кирилла не хотелось. Ни видеть, ни слышать, ни слушать. От обиды до сих пор жгло внутри.

Впрочем, в кои-то веки он не лез с ходу обниматься, а выглядел более-менее серьезным, даже понурым.

– Ты на сообщения не отвечаешь, звонки сбрасываешь...
– начал он.

– Потому что не хочу с тобой разговаривать.

– Мариш, ты из-за того, что я не смог прийти позавчера, так злишься? Да я правда не мог вырваться... Но я хотел, честно! Вот даже подарок приготовил тебе...

Он вжикнул молнией на куртке и достал какой-то крохотный бумажный пакетик из внутреннего кармана. Протянул Марине, но она даже не взглянула. Так и стояла, скрестив руки на груди и сверля его исподлобья тяжелым взглядом.

– Ну посмотри хоть... это ж подарок... от чистого сердца... ну!

– Я все видела.

– Что видела? – сморгнул он и озадаченно нахмурил брови.

– Всё. Я была в тот день возле твоего дома. И видела в окно, какие у тебя были срочные дела. И девушку у тебя на шее видела...

– Какую девушку? – еще больше озадачился Кирилл.

– Тебе виднее. Стройную блондинку, с которой ты обнимался у окна на кухне.

– Стой... А-а, это, наверное, Катюха была...

– Наверное? – изумилась Марина.

– Ну да, моя одноклассница. Блин, я все тебе объясню. Ты

не думай, у меня с ней вообще ничего нет. Я реально планировал пойти за тобой. Торт купил, шампусик... ну и подарок вот... Думал, романтик типа будет, посидим вдвоем... – Кирилл снова махнул перед ее лицом маленьким пакетиком. – А после пар наши такие прицепились: надо отметить группой, все дела. Я думал, чуть посидим, девушек наших поздравим и к тебе поеду.

– Но поехали к тебе все эти девушки.

– Ну да, вся наша группа. Я отказывался. А они: мы типа ненадолго, не ломай кайф. Некуда больше... У кого-то предки дома, кто-то в общежитии... туда не пускают... А у меня хата вот свободная... Ну и... вот... А я потом уже на время глянул и понял, что... Короче, Мариш, прости, а? Я исправлюсь, обещаю!

– Исправляйся, – пожала плечами Марина, – но без меня.

– Ты из-за Кати? Да мне вообще на нее пофиг. Она ко всем липла в тот вечер... дура пьяная... Но ничего же не было!

– Не расстраивайся, в следующий раз обязательно будет, не с ней так, с другой.

– Да какая другая? Мариш! – потянулся за ней Кирилл.

Она развернулась и зашла в квартиру, захлопнув дверь практически перед его носом. Убежала в свою комнату и уже там разрыдалась, как будто мало выплакала слез в злосчастный день всех влюбленных.

Отчим тогда к ней, слава богу, не лез. Только у матери

выпытывал: «Что за тип таскается к Маринке?».

Странно, но после этой ссоры, даже нет, расставания, Кирилл, наоборот, активизировался. Названивал и написывал каждый день, хотя она ему не отвечала. Приходил несколько раз, но мать, уже подученная Мариной, говорила, что той нет дома.

Она ведь правда не хотела его видеть. И под конец даже немного успокоилась, ну, во всяком случае, уже не так страдала. А сейчас смотрела на него, и в груди все дрожало. Он ведь примчался, спас ее. Действительно спас! Бросился сразу, не медля ни секунды. Бездумно, бесстрашно.

И вся ее горечь, вся обида и злость на него – всё это куда-то исчезло.

– Мариш, – позвал Кирилл. – А давай пошлем всех нафиг и вдвоем куда-нибудь сходим? В кино, например?

Его дружки уже вышли из квартиры, крикнув, что будут ждать внизу. Отчим зашевелился на полу, кряхтя и постанывая.

– Давай, – согласилась Марина.

Они выскочили в подъезд. Кирилл спускался первым, она – за ним следом. Сбежав пару пролетов, он вдруг остановился на площадке. И молча вдруг обнял ее. Без единого слова, без всяких намеков на поцелуй или что-то еще. Просто прижал к груди, как будто защищая. А Марине этого сейчас и не хватало. Она несколько раз шумно выдохнула, наконец успокаиваясь.

– Прости меня, – различила его шепот. – Я больше так не буду.

Отчим после избиения приходил в себя долго. Недели две, не меньше. К врачу не ходил, просто валялся на диване и скрипел: подышаю, принеси подлечиться.

Ну а «лечился» он проверенными способами. Все той же водкой, за которой мать бегала по первому требованию.

Когда уже оклемался и стал бродить как медведь-шатун по квартире, Марина поначалу все ждала, что он припомнит побои и в ответ что-нибудь выкинет. Но отчим только косился на нее и иногда что-то невнятное и недоброе бурчал себе под нос. И ни разу больше напрямую к ней не лез. Ни разу не сунулся в ее комнату. Ни притронулся к ней, даже пьяный. И за это Марина была бесконечно благодарна Кириллу. Да что там, за это он готова была всё ему простить. Ну, почти всё...

К слову, Кирилл после этого случая тоже стал немного другим. Нет, сам по себе он, конечно же, остался прежним – веселым, беспечным, безалаберным. Всё так же вел себя нахально и любил покрасоваться. Вечно болтался с друзьями и забот никаких не знал.

Но его отношение все-таки поменялось. Марина это видела. Он стал внимательнее к ней, что ли. Каждый раз при встрече спрашивал с озабоченным видом, не лезет ли к ней отчим. Не надо ли опять вмешаться и проучить «старого козла».

Когда они бывали вместе, Кирилл вел себя порой как настоящий джентльмен. Подавал руку, пропускал вперед, открывал двери. И хотя его красивые жесты сильно отдавали театром, Марине все равно было приятно. Правда, иногда он все-таки слишком уж переигрывал, как будто очень старался делать так, как надо, а не так, как искренне хотел сам. Это слегка напрягало, но Марина говорила себе: в любом случае, лучше так, чем пренебрежение.

Ну и главное, Кирилл больше не пропадал с концами, заставляя ее терзаться неведением. А если уж прийти не мог – непременно отзванивался.

Его друзья постоянно подтрунивали над ним по этому поводу. Она то и дело слышала от них: «Быстро же выдрессировали тебя, Кирюха», «Эх, пропал пацан...» и всё в таком духе. Ее это злило, но, когда она высказывалась Кириллу, он лишь беззаботно отмахивался: не парься, пусть болтают.

На самом деле, друзья Кирилла были ей вообще как кость в горле. То нагрянут в самый неподходящий момент, то куда-то срочно его зазовут, то нагрузят своими проблемами, то попросту уговорят на очередную пьянку. А сколько они сорвали их свиданий – не счесть.

– Эти его друзья мешают нашим отношениям, – жаловалась Марина подругам. – Они постоянно рядом. Только мы собираемся провести время вдвоем, и они тут как тут. Задолбали!

Девчонки подхватывали, мол, да, эти друзья парня – веч-

ная помеха, бедный Кирилл, бедная Марина... И только Женька Гордеева вечно влезала со своей критикой.

– А Кирилл твой что, бессловесное существо? Сказать им не может? Раз они так делают, значит, он им позволяет, значит, его все устраивает.

– Да что ты понимаешь? Кириллу просто неудобно их послать. Он добрый и... да ну тебя! – кипятилась Марина, защищая его.

Марина видела, что Гордеевой Кирилл не нравится, но подозревала, что это из-за Хоржана. А вскоре из-за него и полкласса от нее отвернулось.

Случилось это накануне восьмого марта, в последний учебный день перед праздником. Олег, с которым Марина почти не общалась последнее время, принес тогда ей букет роз. Огромный, целую охапку, и роскошный. Принес прямо в школу. То есть все парни в тот день дарили девочкам букетики. Но другим вручали крохотные мимозы, закупленные родительским комитетом заранее. И только одной Марине достались те шикарные розы, чайные, с темно-бордовой окантовкой на лепестках.

Что уж говорить, было приятно. Хотя и неловко, даже стыдно – в тот момент Марина вдруг вспомнила, что сама она Олега не поздравила двадцать третьего февраля. Не додумалась ему и какой-нибудь смски самой коротенькой отправить, а он...

– Спасибо большое, – поблагодарила она, – это самые красивые цветы!

Олег смутился и, густо краснея, вдруг сказал:

– Не хочешь в кино? Там сейчас...

– Ой, извини, – не дослушала она. – Я, наверное, не смогу...

– Нет, не думай, не вдвоем, – поспешно добавил Хоржан, совершенно пунцовый. – Наши тоже идут. Полкласса точно. В «Джем-молл».

– Нет, прости, – с вежливой улыбкой отказалась Марина. – Скорее всего, не выйдет.

Все-таки рядом с Олегом она невольно начинала нервничать. «Это потому, что он меня любит, а я его – нет», – убеждала она себя.

Однако на следующей перемене набрала Кирилла – если с ним не получится встретиться, то почему бы не пойти куда-то с классом?

Кирилл, рассыпаясь в извинениях, сообщил, что будет занят.

– Я с вами! – Марина догнала одноклассников возле гардероба.

Девчонки радостно заверещали. Осокин и Шмелев отпустили какие-то дурацкие шуточки, как обычно. Один Хоржан молчал. Но он был рад – она видела. У него даже глаза заблестели.

Смеясь и перекикивая друг друга, они всей толпой вы-

сыпали на школьной двор. Марина плелась позади всех. И тут Наташка воскликнула:

– Ой! – и оглянулась на нее. Все остальные тоже остановились. А Хоржан... он как будто потух.

У школьных ворот стоял Кирилл в куртке нараспашку. Поджидал ее, а, увидев, широко улыбнулся и двинулся навстречу к Марине.

– Ну, ладно, ребят, – пробормотала она извиняющимся тоном, не смея даже взглянуть на Олега. Опустила глаза, едва не уткнулась лицом в свой букет, словно прячась за него. – Ну, пока тогда...

Она устремилась к Кириллу, чувствуя на себе тяжелые взгляды. Он, раскрыв объятия, подался к ней.

– Привет... погоди, не здесь.

Но он, не замечая ее попытки увернуться, на виду у всех впился долгим поцелуем в губы. Затем по-хозяйски обнял за плечи и повел прочь. Марина так и не осмелилась оглянуться на класс. И на душе почему-то было препогано. Хотя ну что тут такого-то, говорила она себе. Это же Кирилл, мой парень, а не абы кто, все про него уже знают...

– Что за букет? – поинтересовался Кирилл, когда они отошли подальше.

– Просто подарили в честь восьмого марта, – пожала она плечами.

– Фигасе, просто подарили. Я что-то никому такие не дарю.

– А мог бы подарить. Мне.

– Слушай, а не тот ли одноклассник задарил этот веник, что в больничку к тебе таскался? По ходу, мне пора уже разобраться с этим додиком...

– Не вздумай! – вырвалось у нее. – Я серьезно!

Слово за слово – и они разругались. Он даже психанул и нагрубил.

А на другой день явился к ней домой с покаянным видом.

– Мариш, с праздником! – протянул ей букетик тюльпанов.

Марина растрогалась. И, конечно, они помирились. Праздник правда вышел так себе, потому что Кирилл привел ее в свою компанию, а ей хотелось побыть наедине. Но зато она все-таки вытянула из него обещание не трогать Хоржана.

Однако после праздников Хоржан пришел в школу с подбитой скулой. Марина, увидев, вздрогнула. Внутри зажгло, будто разлилась кислота. Неужели все-таки...?

Но расспрашивать его Марина ни о чем не стала. Какие уж там расспросы, когда она и смотреть в его сторону избегала. Подошла на перемене к Шмелеву и Осокину, которые что-то оживленно обсуждали между собой.

– Мальчишки, привет. Вы не знаете, что с Олегом?

Шмелев лишь взглянул на нее с неприязнью, брезгливо, как на грязь, и молча отошел. И Осокин следом – тоже не говоря ни слова.

Остальные парни, даже Субботин со Дубовым, с которыми у нее всегда были теплые отношения, так же делали вид, что не видят ее и не слышат.

– Ваня, Дэн, я не поняла, вы меня игнорируете? Что я вам сделала?

Они, не взглянув, просто прошли мимо.

Марина недоумевала, пока девчонки не просветили.

– Они из-за Хоржана на тебя злятся.

– Его Кирилл побил? – холодея, спросила Марина.

– Нет, при чем тут он? Просто, когда вы с ним ушли... ну, седьмого марта... Шмелев ляпнул... – Наташка замялась.

– Что ляпнул?

– Ну... гадость. Придурок.

– Какую гадость? – допытывалась Марина.

– Ты только не бери в голову... Короче, он сказал Хоржану, типа, забей на эту шлюху. И Олег кинулся на него с кулаками. Ну и получил... Их почти сразу разняли, но... Шмелев и Осокин сказали, что общаться с тобой, типа, зашквар... И эти придурки как бараны... ну, сама видишь...

В классе стало совсем невмоготу. Каждый новый день как пытка. Олег сидел на уроках и чувствовал, как внутри все сильнее сжимается пружина. Как в груди печет до боли.

Если поначалу с подачи Шмелева парни от Марины просто воротили носы, то вскоре вошли во вкус и захотели «крови и зрелищ». Образно, конечно. Руками ее никто не трогал, но ведь и словами можно измучить.

Дня не проходило, чтобы они не отпускали в ее адрес какую-нибудь скабресную шутку или откровенно похабный выпад.

Поначалу Марина терялась. Особенно в первый раз. Она тогда вошла в кабинет через пару минут после звонка. Физичка выводила новую формулу у доски и, не глядя, на автомате рявкнула:

– Почему опаздываем?

Она, торопясь на свое место, пробормотала:

– Извините, проспала.

Шмелев ляпнул вслух глупую пошлость. Среди парней прокатились смешки. Девчонки смущенно переглянулись.

Марина, вздрогнув, будто ее ударили, на секунду остановилась. Взглянула обескураженно, словно не поверила. А затем, больше ни на кого не глядя, с полыхающими щеками быстро прошла за свою парту. Весь урок она сидела

неподвижно, напряженно, молча, с идеально прямой спиной. Олег смотрел на нее, и сердце кровью обливалось.

Потом она уже как будто не слышала и не замечала гадких намеков и скользких шуточек. Делала вид, что ей все равно. Когда девчонки в ответ поднимали крик: «Отвалите от нее, озабоченные придурки!», она с абсолютным спокойствием говорила: «Да не обращайтесь внимания. У кого-то просто детство кое-где выиграло».

Но Олег видел, как каждое обидное слово ее ранит. Он всегда безошибочно угадывал ее настроение. Знал наизусть ее жесты и мимику. И теперь замечал, что в ее глазах не стало привычного блеска, а поселились тоска и тревога. И подойти к ней не мог. Не из-за дурацкого бойкота, конечно же. Ему казалось, Марина сама его сторонится. Или даже избегает.

А в какой-то момент Олег вдруг понял, что ненавидит своих одноклассников. По-настоящему, жгуче, всей душой. Он и сам не догадывался прежде, что способен испытывать такую ненависть. А себя... себя он презирал – за то, что не мог заткнуть им рты. Просил по-хорошему, но его только на смех поднимали.

В общем-то изгалялись над ней только двое – шутники Шмелев и Осокин, но остальные парни молчали – а значит, по мысли Олега, поддерживали.

В конце марта физрук погнал оба одиннадцатых класса в

парк – бегать на лыжах.

В городе уже все таяло и текло, смешиваясь в грязную хлюпающую кашу, а в парке снег оказался девственно-белым, еще не тронутым весной. И пахло там хвоей и свежестью. Даже голова в первый миг закружилась.

Всей гурьбой они прошли вглубь, туда, где начиналась лыжня. Пока надевали лыжи и защелкивали крепления, физрук в очередной раз повторял указания: как бежать, куда бежать.

Олег слушал вполуха, неотрывно наблюдая за Мариной. На ней были спортивные штаны в обтяжку, старенькая голубая куртка и белая шапка с помпоном. Здесь, среди заснеженных сосен и елей и искрящихся на солнце сугробов, она казалась ему особенно красивой, даже какой-то необыкновенной, сказочной. Аж дыхание перехватывало. И про лыжи свои он забыл, да вообще про всё...

Снегурочка, всплыло ему на ум.

Шмелев с Осокиным, как дети малые, оставили свои лыжи и принялись забрасывать друг друга и девчонок снежками, игнорируя грозные окрики физрука.

– Икс, чего встал столбом, всю тропу загородил, – толкнул его Субботин, проходя мимо. Но Олег толчка почти не заметил. Так и стоял замороженный.

Вот Марина сказала что-то Наташке, улыбнулась. Неожиданно бросила на него случайный взгляд, заставив сердце дернуться как от легкого разряда тока. Она и сама тут же

смутилась. Улыбка ее погасла.

Марина отвернулась. Попробовала сделать пару шагов в лыжах, но остановилась. Затем, отложив палки, она снова наклонилась, стала поправлять крепления.

И тут случилось мерзкое. Сзади к ней вдруг пристроился Шмелев. Запыхавшийся, красный, он подошел вплотную и сделал вид, что взял ее обеими руками за талию, а затем несколько раз качнул бедрами взад-вперед, закатив при этом глаза и приоткрыв рот.

Парни и свои, и из одиннадцатого «Б» тут же грохнули. А Олегу будто кипятком в лицо плеснули. Марина резко выпрямилась, обернулась и, конечно, всё поняла. Густо покраснев, она устремилась прочь.

– Марин, подожди! – заторопилась следом Наташка, бросив Шмелеву: – Ну ты, Вадя, и козел.

– Шмель, ты теперь обязан на ней жениться, как честный человек, – смеясь, бросил Костя Иванов из 11 «Б».

– Пфф, еще б я на шлюхе не жени... – не успел договорить Шмелев, когда его повалил в сугроб Олег. Как ему хотелось стереть с опротивевшей физиономии эту глумливую ухмылку, но правое плечо тут же дало о себе знать – заныло, не позволяя как следует размахнуться и врезать. Он его потянул как раз в их прошлую стычку.

Впрочем, их почти сразу разняли.

– Сука, Икс! Ты мне ворот порвал! – орал Шмелев, пытаюсь вырваться из захвата Дубова.

Олега держал Денис Субботин.

– Пацаны, кончайте уже собачиться! Из-за какой-то девки...

– Она не девка, – яростно процедил Олег.

– Ладно, ладно, не девка, – примирительно сказал Дэн.

– Оставьте ее уже в покое. Не надоело быть мудакami? – все еще кипел Хоржан.

– А тебе не надоело быть куколдом? – огрызнулся Шмелев. – Ты вокруг этой ш...

Олег снова дернулся к нему, но Субботин его удержал.

– Вокруг Трофимовой на задних лапках... чуть ли хвостом не виляешь... а эта сучка... сначала с тобой крутила на днюхе у Гордеевой, теперь с каким-то хреном... Да блин, она сосалась с ним у тебя на глазах! И ты после этого еще... Ты реально куколд.

Вспышка гнева, такая оглушительная, что, казалось, он мог разорвать Шмелева, прошла. Так же внезапно, как и началась. Нет, он еще, конечно, злился, но уже себя полностью контролировал.

– Шмель, всё, завязывай. Хватит. Реально, это уже перебор, – вклинился Дубов.

– Так-то да, – поддакнул Субботин. – Совсем девку загнобил...

– Так, что тут происходит? – подошел к ним физрук. – Что за разборки вы мне тут устроили? Все разборки в кабинете директора...

– Да никаких разборок, Иван Алексеевич, – заверил его Шмелев.

И для убедительности даже подошел к Олегу и приобнял за плечи. Олег грубо скинул его руку и молча пошел прочь.

– Хоржан! Стой! Ты куда? – окликнул его физрук, но Олег даже не оглянулся.

Шмелев нагнал его у самого выхода из парка. Налетел неожиданно, со спины, и сбил с ног. Олег ожидал, что тот будет его бить. Но Шмелев только рассмеялся.

– Расслабься, Икс. У меня для тебя есть предложение. Твою Трофимову я оставляю в покое, как ты и просил. Больше ее никто не тронет, гарантирую. А ты... – он самодовольно ухмыльнулся. – А ты за это кое-что сделаешь для меня...

– Есть, короче, один чел. Мутный тип... да вообще урод конченный! Мы с ним рамсанули* так конкретно. Но пресануть его я не могу... ну, там свои нюансы. Тебе это знать необязательно. В общем, Икс, ломани его акки, какие есть. В контактике, в телеге, в дискорде. Ты же у нас в этом супер-спец.

Пока Шмелев говорил, Олег отряхивал рукава куртки и штаны от снега. Молча, сосредоточенно и с таким непроницаемым лицом, что было не понять, слушает ли он вообще или нет.

– Икс, не строй из себя глухонемого, – не выдержал Шмелев. – Я знаю,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.